

Утренняя дымка еще не рассеялась, а на тренировочной площадке во внутреннем дворе Семьи Е уже раздавались глухие удары кулаков и ног, рассекающих воздух.

Е Си стояла в тени галереи, наблюдая, как семь-восемь юношей и девушек на арене обливаются потом. Впереди всех шла старшая дочь второго ветвления Семьи Е, Е Линьлан, обладавшая пятой ступенью закалки ци. Ее ярко-рыжие волосы бросались в глаза в лучах утреннего солнца. Каждый раз, когда она наносила удар ладонью, окружающая первозданная ци покрывалась видимой глазу рябью, вызывая сдержанные возгласы у стоявших вокруг сородичей по боковой линии.

— Третья барышня, что вы здесь стоите?

Позади раздался нарочито протяжный голос, и Е Си даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это. Управляющий Лю Синьюань шел с подносом для чая, а на его лице застыла та самая выверенная с самого ее детства почтительность — настолько безупречная, что к ней нельзя было придаться, но в то же время насквозь пропитанная высокомерием.

— Дядя Лю.

Е Си отступила в сторону на полшага.

— Старшая барышня сегодня прорвалась к пятой ступени закалки ци. Глава семьи очень доволен и велел на кухне приготовить еще несколько блюд, — с улыбкой произнес Лю Синьюань. — Третьей барышне тоже стоит поднатужить силы, глядишь, когда-нибудь и вы сможете порадовать главу семьи.

Слова звучали безупречно гладко, но Е Си улавливала в них скрытые иглы.

Ей исполнилось пятнадцать, а ее развитие застряло на третьей ступени закалки ци и ровно три года не сдвигалось с мертвой точки. Будучи представительницей прямой ветви Семьи Е, она скатилась до уровня сородичей из боковых ветвей, и теперь даже управляющий смел говорить с ней в таком тоне.

— Я знаю.

Она опустила глаза и повернула назад.

Ладони сжались, а затем разжались.

Первозданная ци в ее даньтяне по-прежнему оставалась безжизненной, будто придавленная чем-то тяжелым, и любое ее движение давалось с величайшим трудом. Дело было вовсе не в таланте. Она смутно догадывалась, что внутри нее что-то таится, просто отец и мать никогда об этом не заикались.

Проходя через лунные ворота, она едва не столкнулась с кем-то лицом к лицу.

— Си-эр.

Бай Юй стояла под навесом галереи в простом длинном платье, а в волосы была воткнута лишь одна серебряная шпилька. Она протянула руку и аккуратно пригладила растрепанные ветром прядки Е Си, а ее взгляд на мгновение задержался на ее лице.

— Снова ходила на тренировочную площадку?

— Мм.

Бай Юй не стала ничего больше говорить, лишь достала из рукава теплую нефритовую пластинку и вложила той в ладонь.

— Носи, не снимай.

Нефрит приятно согревал кожу, и Е Си чувствовала, что внутри него запечатан сгусток исключительно чистой первозданной ци. Подобные нефритовые пластинки мать давала ей каждый месяц, утверждая, что они служат для питания меридианов. Однако она видела нефритовые подвески второго ветвления, и те и близко не обладали столь чистой структурой.

— Мам, я...

— Иди, отец ждет тебя в кабинете.

Бай Юй легко подтолкнула ее за плечо и повернула в сторону комнаты алхимии.

Е Си стояла на месте, провожая глазами хрупкий силуэт матери, исчезающий в конце галереи. Утреннее солнце упало на ее плечи, и только теперь девушка заметила, что манжеты ее простого платья уже потрепались и побелели.

Для госпожи из прямой ветви семьи одеваться подобным образом казалось странным.

В кабинете Е Мохань просматривал бухгалтерские книги.

Когда Е Си толкнула дверь и вошла, он поднял голову, и в мелких морщинках у его глаз залегла усталость. Мужчина чуть за сорок, а на висках уже серебрилась седина.

— Садись.

Е Си села напротив письменного стола, скользнув взглядом по раскрытым книгам. Густо исписанные ряды цифр — в каждой графе значилось возмещение ущерба Семье Тань. За последние три года количество духовных камней, целебных трав и рудников, ежегодно передаваемых Семье Тань, возрастало с каждым годом.

— Отец, Семья Тань снова приходила?

Е Мохань не ответил. Он лишь захлопнул книги, достал из самого низа ящика стола шкатулку из сандалового дерева и подвинул ее к ней.

— Открой, посмотри.

Е Си приподняла крышку: внутри лежали серебристо-белые бубенцы. Корпус был сплошь покрыт непонятными ей рунами, а в самом центре мерцал крошечный, размером с рисовое зернышко, темно-фиолетовый кристалл. Она протянула руку и едва коснулась металла, как темно-фиолетовый кристалл внезапно ярко вспыхнул.

Волна холода змейкой проскользнула с кончиков пальцев в меридианы, и безжизненная масса ци в даньтяне резко встрепенулась.

— Это...

— Твоя мать лично выковала его, — глядя на нее, произнес Е Мохань. — Носи при себе и ни в коем случае не снимай.

Его тон слово в слово повторял слова Бай Юй.

Е Си крепче сжала бубенцы и наконец задала вопрос, который так долго носила на самом дне души: — Отец, с моей кровью что-то не так?

Е Мохань долго молчал.

Свет из окна падал на его лицо, и Е Си видела, как в глубине его глаз бушует сложная смесь чувств: боль, гнев, беспомощность и тяжелое, непонятное ей чувство вины.

— Си-эр, — хрипло произнес он. — Некоторых вещей я не говорю тебе не потому, что не хочу, а потому, что от этого нет толка. Тебе нужно запомнить лишь одно!

Он поднялся на ноги, подошел к Е Си и опустил большую ладонь ей на макушку.

— Что бы ни случилось — выживи.

Е Си подняла голову, встречаясь взглядом с отцом. В его глазах что-то пылало, словно он пытался выжечь этот миг в самой своей сути.

Снаружи внезапно слышались торопливые шаги.

— Глава!

Управляющий Е Чжун буквально влетел в кабинет, смертельно бледный. — Семья Тань явилась! Три сотни конников уже миновали заставу Цинши!

Рука Е Моханя замерла на голове Е Си.

А затем он улыбнулся.

Эта улыбка казалась до ужаса безмятежной, словно он ждал этого дня давным-давно.

— Как быстро они явились.

Он выпрямился, достал из потайного отделения книжной полки пожелтевший карту из овечьей кожи и сунул ее Е Си за пазуху.

— Запомни ту дорогу на заднюю гору.

— Отец!

— Беги.

Е Мохань придавил ее плечи с такой силой, что затрещали кости.

— К маме, немедленно!

Е Си хотела что-то сказать, но из-за дверей кабинета уже донесся звон скрестившегося оружия. Резкий и пронзительный звук разорвал утреннюю тишину, словно нож.

Она повернулась и выбегла из кабинета.

В галерее царил полный хаос.

Служанки и работники с криками разбежались в разные стороны, несколько сородичей из

побочных ветвей с оружием наперевес рвались к переднему двору. Воздух пропитался гарью, а впереди, со стороны главных ворот Семьи Е, поднимались клубы густого дыма.

Е Си изо всех сил бросилась к комнате алхимии.

На повороте посреди дороги лежало тело. Это был страж Е Ци, охранявший алхимическую комнату: его грудь была пробита насквозь ударом ладони, а края раны обуглились. Он застыл с широко открытыми глазами, не успев осознать смерть, а на лице все еще застыло выражение крайнего изумления.

Дверь алхимической комнаты была распахнута настежь.

Бай Юй стояла перед алхимической печью, окутанная сиянием светло-золотой ци. Трое людей в черном окружили ее плотным кольцом, а предводитель стоял заложив руки за спину — по внешнему виду он явно не походил на обычного наемного убийцу.

— Госпожа Бай, — негромко произнес тот. — Выдайте свою дочь, и Семья Тань сохранит семя рода Е.

Бай Юй ничего не ответила, лишь провела рукой над алхимической печью.

Пламя в печи с грохотом взметнулось вверх.

Золотое пламя охватило всю алхимическую комнату, и все трое убийц в черном одновременно отпрыгнули назад. Воспользовавшись моментом, Бай Юй выскочила наружу, схватила стоявшую у входа Е Си и побежала к задней горе.

— Мама!

— Молчи.

Голос Бай Юй звучал предельно холодно. Она протащила Е Си через потайной ход, о существовании которого та даже не подозревала, сделала несколько крутых поворотов и в конце концов остановилась перед тяжелой каменной дверью.

Она прижала ладонь к центру плиты, и из ладони сочилась кровь.

Каменная дверь медленно отворилась, открывая темный проход внутри.

— Эта дорога ведет к обрыву на задней горе.

Бай Юй достала из-за пазухи нефритовую пластинку и вложила ее Е Си в руки.

— Внутри то, что мы с твоим отцом оставили тебе. Не открывай, пока не восстановишь культивацию.

Е Си вцепилась в ее рукав мертвой хваткой: — Бежим вместе!

Бай Юй посмотрела на нее и вдруг улыбнулась. Эта улыбка была точь-в-точь как у Е Моханя — спокойная и отрешенная, но в глубине глаз пряталась острая, как нож, боль.

— Си-эр, кое-какие долги мы с твоим отцом перед тобой задолжали.

Она подняла руку и опустила ладонь на затылок Е Си, резко влив силу.

Е Си почувствовала, как в меридианы хлынул обжигающий поток первозданной ци, нечто в ее даньтяне яростно завибрировало, а затем...

Боль.

Пронзительная боль.

Словно тысячи иголок одновременно вонзились в стыки костей. Она открыла рот, желая закричать, но не смогла издавить ни звука. Культивация на третьей ступени закалки ци рассыпалась в прах за одно мгновение, меридианы рвались дюйм за дюймом и тут же срастались, чтобы порваться снова.

Губы Бай Юй шевелились, но Е Си уже не разбирала слов.

Прежде чем зрение окончательно затуманилось, она увидела слезы, скатившиеся по щекам матери.

А затем ее толкнули в темноту прохода.

Каменная дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной.

Прежде чем исчез последний луч света, Е Си услышала голос Бай Юй. Обращенный не к ней — к преследователям.

— Хотите тронуть мою дочь — сначала перешагните через мой труп.

Каменная дверь закрылась окончательно.

Мрак поглотил все.

Е Си лежала пластом на холодном полу, и не было во всем теле ни единого уголка, который бы не болел. Дантянь зиял пустотой, пятнадцать лет упорных тренировок исчезли без следа.

Она приоткрыла рот, и из горла вырвался прерывистый всхлип.

Где-то вдали глухо донесся раскат взрыва.

Это была сторона алхимической комнаты.

<http://bllate.org/book/19611/1924927>